

18 СЕН 1951

Литературная Газета
г. Москва

18.09-51

Серьезные заметки о смешном

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Никто не хочет писать комедий для театра и кино. Стоит обратиться с такой просьбой к любому крупному литератору, и вы услышите отказ, поспешный и категорический.

И этот страх перед комедийным жанром породила не резкая, но справедливая критика в адрес ряда несовершенных комедий, а то, что некоторые лишние чувства юмора критики берут под обстрел едва ли не каждую комедию вообще. И бывает так, что грозное обвинение в пошлости, огрублении образов, в искажении правды жизни порой обрушивается на ту или иную комедию не потому, что она его заслуживает, а потому, что такие критики, желая перестраховаться, все смешное торопятся объявить недостоверным, искажающим действительность и т. д. и т. п., не замечая подлинных удач автора. Видимо, поэтому драматурги, которые ранее работали в области комедии, теперь отходят от комедийного жанра, а молодые авторы сторонятся комедийного творчества, считая его «огнеопасным».

Прочитайте хотя бы в газете «Советское искусство» недавнюю статью Г. Юрасовой о спектакле театра Сатиры «Женях» А. Токаева и попробуйте найти в ней хоть легкое снисхождение к автору, написавшему комедию, — пусть еще во многом несовершенную, заслуживающую серьезной, вдумчивой критики. Все не нравится критику в пьесе этого драматурга — и сочетание серьезного и смешного, и забавные сцены, даже тогда, когда они вызваны намерением драматурга осмеять героев отрицательных. Критик пишет, например, о «яркой комедийной сцене сочинения Уари писем от имени Малинатов». Уж, кажется, чего лучше, если автору удалось «яркая комедийность»? Но в устах критика это не комплимент, а упрек. В следующей фразе ставится знак равенства между комедийностью и водеvilльностью и говорится: «В промежутках между этими водеvilльными эпизодами вкраплены (именно вкраплены!) отдельные фразы, которые предназначены, очевидно, для того, чтобы «напомнить» зрителю о том, что все это происходит в колхозном стане».

Как будто в колхозном стане не может произойти смешной сцены! И с каких пор водеvilль стал недопустимым жанром? Весь пафос статьи направлен к тому, чтобы доказать, что смешное и серьезное несомнестимы. А почему? Именно сочетание серьезного и смешного и есть признак большой, высокой комедии. И надо уметь строго различать надуманный водеvilль от смешного положения, которое часто рождено самой жизнью. Может быть, ханжеские разносы критиков в адрес каждого, кто осмеливается смешить зрителей, и приводят к тому, что мы переживаем серьезный кризис в области комедийного жанра, где надо очень зорко различать юмор пустой и бессодержательный от юмора, направленного на борьбу с пережитками прошлого, от смеха, который бьет по всему, что поддежит осмеянию в нашем обществе. Комедия может и должна играть большую роль в нашей жизни, пока же она является наиболее отстающим жанром.

За последние два-три года на театре появились три-четыре хорошие комедии. Министерство кинематографии СССР последние 15 лет выпускало иногда на экраны восемь-девять кинокомедий в год. Но в позапрошлом году вышло всего лишь две, в прошлом — одна кинокомедия, а в нынешнем, кажется, — только «Спортивная честь», которая не делает чести кинематографу. В числе же сценариев, намеченных к производству в 1952 году, нет ни одной кинокомедии.

По-моему, надо возмущаться и негодовать по этому поводу! Комедий попросту нет, и смех, могучий воспитатель народа, на сцене бездействует. Правда, надо сразу оговориться: про иной смех русские люди говорят: и смех и грех...

Я, как актер, по собственному опыту знаю: как бы ни смеялся зритель, когда он видит или слышит что-то смешное, в конце спектакля он обязательно задумается: а над чем я, собственно, смеялся? И часто он стыдится того, что смеялся. Именно совесть заставляет его говорить после нелепой, хоть и вызвавшей у него смех шутки: «Ах, какая глупость!». Драматург может осмеивать глупость, но становиться глупым он не имеет права.

Глупость прежде всего поддежит осмеянию. «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского было произведением большого ума и величайшим обличением косности, невежества, суеверия и предрассудков. Глупость может быть объектом для сатиры и в наши дни. Я понимаю, что Бывалов, роль которого я играл в фильме «Волга-Волга», совсем не умен. Но он не только глуп, он враждебен всему живому, он дурак с претензиями, а это самый страшный вид глупости. Бывалов был создан двенадцать лет тому назад, но недавно я снова посмотрел фильм и раздумывал, что дает успех советской комедии. Бывалов удался в фильме потому, что режиссер и сценарист создавали его с глубоким чувством современности. Они отвели Бывалову в комедии именно то место, которое он занимает и в действительности, как реальное темное пятно в нашей жизни. В искусстве огромное значение имеют верные пропорции. В фильме «Волга-Волга» главное — хорошие советские люди, рост народных талантов, новое создание нашего времени — канал Москва—Волга, и тут же, в правильной пропорции ко всему прекрасному в нашей жизни, мельтешит бюрократ и туника Бывалов. А представьте себе, что он стал бы главным героем фильма, и нам было бы противно два часа смотреть такой фильм. Это было бы уродливое, карикатурное изображение нашей жизни, в которой бываловы занимают самое ничтожное место...

Советская драматургия принесла на сцену юмор удивительной силы и смелости. Вспомним Шваню из «Любови Яровой» Тренева, Волгина из «Чудака» Афиногенова, — каждый из этих положительных героев временами вызывал улыбку, а то и смех в зрительном зале. Но в этом смехе не было и тени насмешки. Нет, смело и уверенно показывали нам драматурги смешное в хорошем, забавное в

цельном, искреннем, иногда героическом человеке, противоречия, порожденные характером, поставленным в такие обстоятельства, когда новая жизнь потребовала новых свойств от простого трудового человека, — а он еще в чем-то оставался прежним, и не особенно культурным, и не совсем грамотным, и не всегда способным владеть своими чувствами и порывами. Пусть Волгин из пьесы «Чудак» и суетлив, и стремителен, и бесноват, пусть Шваня придерживается преувеличенного мнения о своей роли в ревю («Сморкнуться обратно некогда»), — этих людей горячо любил зритель. И это случилось потому, что понятные, естественные слабости, рожденные жизненными обстоятельствами, не принижали высоких достоинств этих героев, их любви к Родине и народу, их верности революции, их привлекательности. Правду, человечность, истинную многогранность образов в этих пьесах рождали знание жизни, умение отобрать в действительности достоверные, одинаково типические человеческие достоинства и недостатки, необходимые для создания полнокровных образов героев.

С первых же дней своего рождения и советская сатира, обращаясь к явлениям отрицательным, боролась за утверждение нового, за очищение нашей жизни от сорняков. Достаточно вспомнить отзыв Ленина о стихотворении В. Маяковского «Прозаседавшиеся», чтобы понять одну бесспорную истину, утвердившуюся с первых же дней революции: всякое слово критики здоровой, открытой, правильной в своей основе, поддерживалось партией, правительством, всем советским обществом, как дело нужное и полезное. На примере и комедий Маяковского и пьесы Корнейчука «Фронт», автор которой в труднейшие годы войны поставил жгучие вопросы военной жизни, можно проследить, как плодотворно развивалась советская сатирическая комедия, бичуя, называя своими именами, высмеивая невежество, отсталость, мелкобуржуазное зазнайство.

И жалко, что драматурги, владеющие высшим оружием смеха, в наши дни непростительно мало работают в области высокой комедии, не развивают хорошие традиции советской комедиографии.

Живут только произведения, созданные по законам жизни, а не по канонам, изобретенным за письменным столом. Если смысл комедийной интриги исчерпывается тем, что поросенка принимают за ребенка, как это было недавно в комедии Н. Винникова «Белая ворона», то такая комедия обречена на провал. Это попытка вызвать смех недопустимыми приемами, которые, за это я могу поручиться как актер, — вызывают у зрителей не смех, а недоумение и гнев. Комедия — это дело серьезное. В ней, как в каждой хорошей пьесе, должны быть искренние чувства, правдивые образы, яркие характеры, которые проявятся в действии; в комедии могут быть и слезы, и печаль, и настоящее горе.

Но почему-то сейчас утвердился такой взгляд, что в комедии надо обязательно только смешить, но что бы то ни стало. Драматургам и театрам, думающим так, стоит вспомнить слова Лопе де Вега:

Когда на глади полотна
Художник ночь изображает,
Хоть луч он все же оставляет,
Чтоб эта ночь была видна.

Стремление только шутить, только развлекать загубило множество комедий. Я считаю, что такая, например, комедия, как «Вас вызывает Таймыр» Исаева и Галича, хороша тем, что написана с самыми чистыми намерениями, в ней стремительно развивается действие, все ее герои — милые, отзывчивые люди. Но, подчиненные чрезмерно стремительному движению комедийного сюжета, они ни на минуту не могут остановиться, чтобы мы могли заглянуть им в душу, оценить их характеры. Истинно, это действие, которое все себе подчиняет и все уничтожает. Многим музыкальным комедиям в кино также присущи эти недостатки, их авторы хотят только развлекать. И вот идет мнимое стремительное движение — вы слышите куплеты, песни, видите эстрадные вставные номера, аттракционы, концерты, комические скетчи... Но не видите характеров героев, не видите большой темы современности. Такая кинокомедия превращается в шутовство, в издевательство над героями и зрителями.

Мне кажется, главная причина многих неудач в комедийном жанре — робость драматургов. Именно робость, порожденная незнанием жизни, непониманием того, что комедия, как и другие жанры драматургии, произрастает из самой жизни. Я думаю, поэтому комедиографы особенно часто обращаются к «арсеналу» готовых приемов, слепо следуют однажды апробированным образам и не хотят искать нового в жизни! Но смех и в жизни и в искусстве — это великая очистительная сила. Гоголь утверждал, что «насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится». Значит, смех, как мощную струю воды, надо уметь направить именно туда, где надо смыть грязь прошлого, где нужно похвойски навести чистоту и порядок! Мне кажется, многие наши авторы комедий не понимают, что в борьбе с пережитками прошлого, которую ведет наше общество, заключены тысячи остерших конфликтов. Ведь чем больше духовно созревает человек, тем выше его интеллект, социалистическое, гражданское самосознание, тем нетерпимее становится он ко всякой кривде, к отступлению от требований этики, к мелкобуржуазному свинству, которое еще свойственно в нашей стране отдельным личностям. Советский человек проявляет все большую нетерпимость ко всему, что является пороком с нашей точки зрения, и здесь — источник тысячи конфликтов...

Но надо не забывать о том, что чем выше моральная зрелость и чистота общества, тем сильнее маскируется порок. И для его разоблачения и в жизни и на сцене требуются ныне более тонкие и точные приемы. Тут не помогут старые, раз на-

всегда выдуманные комедийные приемы. На наших глазах никак не могут найти себя Шкваркин, Ленч, Фини, Дыховичный и Слободской и многие другие авторы комедий. Проникнит это, мне кажется, кому, что жизнь идет вперед, а они все еще держатся за старые приемы, за проверенные сюжеты и конфликты, взятые не у жизни, а из старого арсенала буффонадной комедии, которые пора сдать в архив...

Драматургам надо помнить, что бюрократизм, зазнайство, эгоизм — все пережитки прошлого в наше время обрели новые черты. Бывалов не желал ни с кем разговаривать, а замаскированный бюрократ в наши дни никогда вам не откажет в прямой. Вы услышите: «Посоветуюсь с народом», «мы подумаем», «мы ему подскажем», «дадим команду». Не надо иметь даже чужого уха литератора для того, чтобы услышать в подобных фразах и барское высокомерие и желание отложить дело в долгий ящик.

Передка газеты в злых и беспощадных фельетонах, в письмах читателей разоблачают самодуров, чиновников, авантюристов, бездельников, и каждое из этих выступлений — доказательство того, как действует великая диалектическая закономерность нашей жизни — критика и самокритика. Положительным героем нашей комедии может быть автор любого письма в газете. Советские люди — не бодряки, которые последнее время непрерывно путешествуют в радиообозрениях, — они мыслят в масштабах всего государства и судят о явлениях жизни, исходя из законов и норм всего советского общества. Нот только ханжи и лицемеры могут утверждать, что уже бесследно исчезли такие пороки человеческие, как угодничество, зазнайство, эгоизм... И, конечно, комедия может сыграть огромную роль в их разоблачении и осмеянии. Знание действительности, чуткое внимание к сегодняшней жизни могут дать драматургу много ценных наблюдений. Но для того, чтобы ярко проявились идейное столкновение, конфликт, нужен хорошо организованный сюжет... И его должна подсказать жизнь.

Сюжет — всегда изобретение и находка, но мне кажется, что столкновение директора-консерватора и стахановца-новатора — не единственный сюжетный ход для современной пьесы, для нашей комедии, как это утверждает своим творчеством большинство наших драматургов. Я давно мечтаю о роли доброго чудака, образа которого нет в обличии злой и страстной русской классической драматургии. Пусть даже с преувеличенной страстью обрушится мой чистый чудака на лицемера, угодника, подхалима. Пусть, даже небольшое этическое прегрешение покажется ему огромным преступлением, и он обрушится на него, наводя ужас на печально провинившегося. Это будет смешное, веселое и необыкновенно поучительное столкновение.

Один из наиболее злых врагов комедии — назидательность. Драматурги не должны следовать за каждым героем, указательным перстом. Бодрячество, лакировка действительности, прямолинейность и грубые лобовые приемы — это недоверие к уму советского зрителя, к его способности самостоятельно сделать выводы, и это губит десятки комедий.

Недавно я хотел исполнить рассказ о вульгаризаторе критики, о человеке, который самобичевание превращает в добродетель. Но мне и автору посоветовали вставить начало и конец, где прославляется истинная самокритика. Рассказ стал абсолютно «правильным» и... совершенно непригодным к исполнению. Поэтому и в комедии так часто появляются схемы вместо многогранных образов — они оставили свою кровь и плоть на перьях ретивых редакторов из породы унтеров Пришибеевых. А в комедии нетерпим герой схематичный. Гоголь и о Горюхином говорит, что он «очень не глупый, по-своему, человек», и в герое отрицательном он рекомендует подчеркнуть черты положительные, потому что только так создается полнокровный образ...

Каждое доподлинно смелое и новаторское произведение советских художников дает образцы такой лепки образа. Недавно в фильме «Кавалер Золотой Звезды» актер Ратомский блистательно сыграл председателя колхоза Рагулина. Его герой наделен живой человеческой слабостью — он скуповат. Даже торжественно встречая гостей, съехавшихся на открытие электростанции, он огорчается, когда у него требуют угощения. Но портит ли это праздник, нарушает ли торжество? Нисколько. Образ только оживляет хороший светлый юмор. Герой становится человечным, живым, доходчивым.

И мне думается, совершенно напрасно дельный практический совет Станиславского: если играешь злого, ищи, где он добрый, — объявлен чуть ли не крамолой. Эту фразу не следует рассматривать, как проповедь объективистского принципа, якобы обязательного во всех жанрах искусства. Но при создании сценического образа, объемного и реалистического, этот совет полезно помнить актеру и драматургу. На сцене одинаково нетерпимы как ходульные злодеи, так и прописные добродетели. Но в комедийном творчестве самое важное — это умение пропорциями жизни, меркой современной действительности измерять вес, объем, место каждого героя в комедии. И тогда, при глубоком знании жизни, у автора комедии будет огромный простор для выбора тем, сюжетов, конфликтов. Он может осмеять, выставить на общественное осуждение не только людей, враждебных нашей морали, но и осудить плохое в хорошем, показать конфликты лучших с отсталыми. Советский человек, прежде чем строить высотные здания, сносит ветхие домишки. Комедиографы расчищают души человеческие от всякого хлама, оставшегося от прошлого. Надо сделать все для того, чтобы смех встал на службу коммунистического воспитания народа.

Двенадцать лет назад я сыграл свою последнюю роль в кино, а настоящей комедийной роли в советской пьесе не сыграл ни разу. Хотелось бы, чтобы эти заметки имели для меня желанный результат — хорошую роль...